

Политика страха: как российский режим противостоит своим противникам

Поздним вечером 27 февраля 2015 года вблизи Кремля был убит один из лидеров российской политической оппозиции Борис Немцов. Его убийство произошло за два дня до запланированных оппозицией шествия и митинга, направленных против политики российских властей. По замыслу организаторов, эти акции должны были дать толчок новой мобилизации массовых протестов — подобных тем, что прокатились по России после думских выборов 2011 года. Убийство Немцова, однако, поменяло повестку дня оппозиции: массовые шествия и митинги в Москве и в ряде других городов прошли как траурные мероприятия, которые не стали новой “точкой отчета” и не способствовали мобилизации противников режима. Таким образом, объективно это преступление оказалось на руку российским властям.

Убийство Немцова, вне зависимости от того, каковы были его мотивы и заказчики, стало логическим продолжением того поворота к репрессивной политике, которую российские власти проводили по отношению к своим публичным оппонентам после возвращения Владимира Путина на пост главы государства в 2012 году. Репрессивный поворот имел целью пресечь распространение протестной активности, столь заметно и неожиданно проявившейся в стране зимой 2011–2012 годов. Прежде всего, изменились те механизмы, с помощью которых Кремль боролся со своими противниками. В 2000-е годы власти прибегали к кооптации и изоляции политических и общественных акторов, несогласных с

политикой государства. Теперь на смену этим методам пришла “политика страха” — демонстративное запугивание тех, кто выступал против режима, систематическая публичная дискредитация оппонентов Кремля и избирательное преследование оппозиционных активистов и их союзников.

Однако репрессивный поворот лишь отчасти был реакцией на всплеск протестной активности: во многом он был связан с исчерпанием прежней стратегии Кремля, в которой преобладали информационные манипуляции и покупка лояльности элит и граждан. Логика, которой руководствовались российские власти в 2000-е годы, в известной мере ориентировалась на воспроизводство механизмов политического контроля в позднем СССР, но вместе с тем вписывалась в общие тенденции репрессивной политики в современных авторитарных режимах.

Пока преждевременно судить о том, как долго и в какой мере “политика страха” позволит российским правящим группам удерживать монополию на власть. Задача этой статьи в ином: проанализировать причины и механизмы “политики страха”, осуществляемой российскими властями сегодня, ее истоки в сравнительном и историческом контексте, а также сильные и слабые стороны репрессивной политики с точки зрения как российского режима, так и различных групп российских граждан. Некоторые выводы представлены в заключительной части работы.

Авторитаризм и стратегии репрессивной политики

Хотя политическая история человечества по большей части была историей диктатур, в том числе и прибегавших к жестоким репрессиям в отношении собственных сограждан, современные автократы не обязательно опираются на массовые репрессии как средство поддержания своего господства. Причин тому несколько. Во-первых, основные угрозы авторитарным режимам исходят не столько от протестующих масс, сколько со стороны тех или иных сегментов элит¹. С этой точки зрения, усиление репрессивного аппарата опасно для авторитарных лидеров и элит, которые сами рискуют пасть жертвой репрессий не в меньшей, а даже в большей мере, чем рядовые граждане. Во-вторых, в обществах, достигших относительно высокого уровня социально-экономического развития, массовое политическое насилие в целом и массовые репрессии в особенности не воспринимаются как легитимный механизм удержания власти². Наконец, режимы, практикующие массовые репрессии, но не проводящие выборов, сталкиваются с серьезными проблемами своей легитимации на международной арене³. Вот почему современным авторитарным режимам, для которых важнейшей задачей является обеспечение политического контроля, приходится все больше опираться на использование иных политических средств. Они не только адаптируют к своим нуждам демократические институты (такие, как выборы, парламент, партии)⁴, но и все чаще прибегают к кооптации потенциальных противников и к более изощренным механизмам пропаганды⁵.

По мере того, как “классические” (“гегемонные”) авторитарные режимы в современном мире все в большей мере уступают место электоральным (которые проводят формально конкурентные, но несправедливые выборы)⁶, масштаб и интенсивность подавления режимами своих сограждан постепенно снижаются. Феномены массовых репрессий, такие как ГУЛАГ или геноцид времен “красных кхмеров”, уходят в прошлое, и на первый план выходят куда менее кровавые средства удержания власти. Это отнюдь не значит, что

авторитарные режимы отказываются от подавления своих противников: “кнут” (подавление) остается важнейшим инструментом в их арсенале наряду с “пряниками” в виде подкупа и кооптации. Но стратегия использования жестких методов кардинально меняется: политические репрессии носят не массовый характер, а избирательный. Они все чаще направлены не против граждан в целом или отдельных социальных (этнических, религиозных и т.д.) групп, а против конкретных лиц и организаций, выступающих и/или способных выступить против режима. Такие репрессии носят явный и иногда даже демонстративный характер (аресты и тюремное заключение по политическим мотивам, ссылка, высылка из страны, пытки, исчезновение людей, политические убийства), но могут также быть и неявными (слежка, перлюстрация корреспонденции, использование провокаторов, публичная дискредитация и изоляция)⁷. Селективные репрессии ставят целью не только и не столько наказать врагов режима (хотя эти мотивы в ряде случаев присутствуют), сколько предотвратить распространение враждебной активности за пределы (обычного весьма узкого) круга непосредственных противников. С этой точки зрения репрессии выполняют важную сигнальную функцию, демонстрируя элитам и рядовым гражданам, что публичные проявления нелояльности чреваты большими потерями. Для сохранения авторитарного режима данная репрессивная политика может оказаться не менее эффективной, чем масштабные репрессии, но она требует более тонкой работы — для соблюдения баланса кнута и пряника и для дозированного использования инструментов политического контроля.

При каких условиях авторитарные режимы вынуждены прибегать к репрессиям как к главному инструменту? Как отмечал Адам Пшеворский, “авторитарное равновесие держится на лжи, страхе и экономическом процветании”⁸. Ослабление одной из этих опор авторитаризма вынуждает режимы переносить центр тяжести своей политики на остальные две. В недавней теоретической статье Сергей Гуриев и Дэниэл Трейсман отмечают, что у современных авторитарных режимов

уровень репрессий тесно связан с характеристиками экономического роста⁹. Когда темпы роста сохраняются на высоком уровне, предпочтительным приемом оказываются кооптация оппонентов и покупка лояльности масс: в благоприятных экономических условиях граждане могут проявлять недовольство по тем или иным конкретным поводам, но редко выступают против авторитарных режимов и их лидеров как таковых. Однако если темпы роста резко снижаются, то режимам приходится сменить пряник на кнут и использовать против своих оппонентов мощь пропаганды (ложь) вкупе с избирательными репрессиями (страх). Репрессивный поворот, таким образом, во многом служит проекцией тех объективно складывающихся условий и ограничений, с которыми сталкиваются авторитарные режимы¹⁰.

Выбор репрессивной стратегии имеет еще один аспект, на который обращал внимание Кристиан Давенпорт, исследовавший реакцию демократических и авторитарных режимов на угрозы подрыва политического порядка со стороны их противников. Значимую роль в этом выборе играет то, как именно режимы воспринимают значимость этих угроз, что, в свою очередь, обусловлено даже не общим уровнем антиправительственных выступлений, а их внезапностью. Более того, восприятие угроз усиливается, если они проистекают сразу из нескольких источников, и при этом стратегии противников режима более разнообразны и включают в себя широкий репертуар средств борьбы (как мирных, так и, особенно, насильственных). Чем более опасными кажутся угрозы, тем больше шансов на то, что на экзистенциальный вопрос “бить или не бить” (своих противников) режимы дадут утвердительный ответ.

Но главное, что определяет выбор стратегий со стороны авторитарных режимов, — это наличие предшествующего опыта репрессивной политики. Если в прошлом репрессии помогли режиму успешно справиться с угрозами, то шансы их применения вновь резко возрастают, равно как масштабы репрессий и их интенсивность¹¹. Иными словами, одни репрессии зачастую порождают другие по принципу “порочного круга”: однажды пойдя

по этому пути, авторитарные режимы готовы прибегать к репрессиям даже тогда, когда риски для их выживания не столь велики¹².

Сочетание этих факторов и характеристик позволяет реконструировать в общих чертах логику репрессивного поворота в России после 2012 года. В 2000-е годы российский режим отличался низкой репрессивностью по двум основным причинам. Экономический рост привел к увеличению доходов россиян, что само по себе способствовало повышению лояльности граждан¹³. Наличие у государства больших финансовых ресурсов помогало справляться с отдельными проявлениями недовольства масс (как в случае протестов против “монетизации льгот”) и обеспечивать кооптацию части истеблишмента. Поэтому масштаб политических протестов в России в этот период был невысок, и ощутимой угрозы режиму они не представляли¹⁴. Репрессии носили по преимуществу локальный и “точечный” характер — главным образом они были направлены напрямую на возмутителей спокойствия (участников “маршей несогласных”, акций “Стратегии-31” и др.) и их соратников. С враждебными режиму представителями истеблишмента власти боролись главным образом путем их дискредитации и изоляции; независимые СМИ, общественные организации и активисты были загнаны в узкие “гетто” и не имели возможности нанести режиму серьезный ущерб.

Однако ситуация изменилась в период президентства Дмитрия Медведева после кризиса 2008 года, когда оказалось, что ресурсы для экономического роста исчерпаны. В такой ситуации непоследовательные шаги режима — некоторое ослабление давления на противников, сигналы о возможной либерализации, привлечение части общественности к обсуждению важных проблем — и демонстративный отказ от этих шагов в преддверии думских выборов 2011 года сыграли роль детонатора протестов, всплеск которых оказался для Кремля неожиданным. Хотя масштаб протестной мобилизации был явно недостаточным, чтобы создать серьезные вызовы режиму, ее демонстративный эффект оказался очень велик¹⁵.

Неудивительно, что “закручивание гаек”, анонсированное Путиным сразу после президентских выборов 2012 года, отчасти стало реакцией властей на новые угрозы и вызовы. Но кроме того, “закручивание гаек” стало закономерным следствием экономических тенденций. Средств для покупки лояльности граждан у режима оказывалось недостаточно (в частности, у правительства возникали все большие сложности с выполнением т.н. “майских указов” Путина 2012 года), и “политика страха” вкупе с все более агрессивной государственной пропагандой стала важнейшим средством поддержания авторитарного равновесия. События 2014 года — свержение режима Януковича в Украине после масштабных и длительных массовых протестов, аннексия Крыма, война в Донбассе, беспросветная конфронтация России с Западом и начало спада в экономике — повлекли за собой усугубление репрессивной политики. Она приобрела гораздо более систематическое и всеобъемлющее институциональное оформление, круг “мишеней” существенно расширился, и в реализацию этой политики оказались вовлечены не только государственные органы и созданные при поддержке Кремля GONGO, но и немалое число активистов, в инициативном порядке включившихся в борьбу с “врагами” режима. В результате уровень репрессивности российского режима после 2012 года существенно возрос, хотя по мировым меркам авторитарных режимов он по-прежнему остается низким. В преддверии федеральных выборов 2016 года и на фоне усугубляющихся экономических проблем можно ожидать, что интенсивность репрессивной политики будет усиливаться¹⁶.

Такой общий обзор, однако, недостаточен для анализа целей репрессивной политики в России, ее механизмов, эффективности и последствий. Для ответа на эти вопросы обратимся к опыту репрессивной политики, который во многом служит примером и источником опыта для нынешнего российского руководства.

“Истории успеха”: репрессивная политика в позднем СССР и в постсоветской Беларуси

Репрессивная политика государства в позднем СССР заслуживает внимания с нескольких точек зрения. Прежде всего, “хороший Советский Союз” (то есть политический порядок, похожий на советский, но лишенный имманентно присущей ему неэффективности экономики и управления) в глазах нынешних лидеров страны выступает неким воображаемым нормативным идеалом политического устройства. Этот образ возник в сознании немалой части того поколения, которое социализировалось в период “долгих семидесятых” (1968–1985) и постепенно укореняется по мере того, как это поколение входит в возраст поздней зрелости¹⁷. В представление о “хорошем Советском Союзе” входит, в частности, и наличие механизмов государственного контроля, обеспечивавших авторитарное равновесие. Все три опоры советского авторитаризма — ложь, страх и экономический рост — долгое время справлялись с поддержанием этого равновесия, хотя их эффективность снижалась со временем, пока они не рухнули к концу советской эпохи. Ложь официальной коммунистической пропаганды на фоне усугублявшихся проблем советской экономики вынуждала режим в период “долгих семидесятых” все в большей мере использовать политику страха. Но вместе с тем советское государство справлялось с недовольством некоторой части сограждан — по крайней мере, в краткосрочной перспективе — не прибегая к массовым репрессиям и не провоцируя открытое сопротивление. Руководителям позднего СССР удалось создать вполне действенные стимулы для того, чтобы политизированная часть советских граждан, недовольных режимом, предпочитала открытому “протесту” (voice) пассивный “уход” (exit) в разных формах (от пьянства и “дауншифтинга” до стремления к отъезду из страны), в то время как далекое от политики большинство по крайней мере внешне сохраняло лояльность (loyalty), тем самым не подрывая политический статус-кво¹⁸.

Когда после смерти Сталина и XX съезда КПСС советский режим вынужден был отказаться от использования массовых репрессий, государство столкнулось не только с подъемом диссидентского движения, но и с появлением массовых беспорядков, которые спонтанно вспыхивали в разных частях страны и по разным поводам¹⁹. Применение силы для их подавления (самый известный пример — Новочеркасский бунт 1962 года — был лишь верхушкой айсберга) было чревато немалыми рисками для политического руководства²⁰. Поэтому советская репрессивная политика была серьезно реформирована и приобрела черты модели, которую рано ушедший из жизни белорусский политолог Виталий Силицкий охарактеризовал как “превентивный авторитаризм”²¹. В основе этой модели лежало не только и не столько проведение “активных мероприятий”, направленных на подавление открытых врагов режима, сколько “профилактическая работа”, призванная не допустить распространения протестных проявлений в обществе. Иными словами, репрессивная политика делала упор на мониторинг нелояльности среди граждан страны и на запугивание тех, кто проявлял ее публично в тех или иных формах. Арсенал средств, находившихся в распоряжении репрессивных органов, включал не только “кнут” карьерных ограничений и угроз уголовных преследований, но и “пряник”: кооптацию с обещаниями продвижения по службе или подкуп с предоставлением тех или иных материальных благ.

На индивидуальном уровне риски наказаний за открытое неповиновение режиму в позднем СССР воспринимались как весьма высокие, поэтому неудивительно, что даже те советские граждане, которые были нелояльны по отношению к властям, предпочитали не вступать с ними в публичные столкновения. Хотя спрос на альтернативную информацию о положении дел в стране и в мире был немалым (о чем свидетельствовала большая аудитория вещавших на СССР зарубежных радиостанций)²², свободное обсуждение общественных проблем было ограничено “кухонными разговорами”. Наряду с этим в отношении наиболее шумных и/или опасных противников советская репрессивная поли-

тика использовала широкий набор средств подавления — начиная от фактических запретов на профессии и на доступ к публичной деятельности и заканчивая использованием карательной психиатрии и принуждением к эмиграции. Число политических заключенных в СССР было относительно невелико, однако “точечные” репрессии против инакомыслящих подавали советским гражданам вполне ясный информационный сигнал: не санкционированный общественный и политический активизм повлечет для них весьма высокие издержки. В этих условиях круг диссидентов оставался узким и практически не имел шансов расширить свои ряды, несмотря на немалый потенциал недовольства в обществе и в кругах, близких к элитам. Даже снижение позитивных стимулов к лояльности советскому строю (связанное, в частности, с сокращением возможностей для восходящей мобильности элитных групп) не приводило к росту массовой протестной активности, направленной против режима — особенно на фоне инерции страха, связанной с предшествующим опытом репрессий.

Последствия позднесоветской репрессивной политики для противников режима оказались разрушительными. Движение протеста в позднем СССР было сравнительно малочисленным, организационно слабым, а к началу перестройки и вовсе оказалось почти сведено на нет²³. Но главное — оно не имело ни ресурсов, ни возможностей для того, чтобы предложить продуманные и реалистичные альтернативы существовавшему строю. Впоследствии, в период перестройки, этот дефицит идей проявился в полной мере²⁴. Скрытое недовольство советской системой имело иные формы, нежели организованный протест, но в целом не создавало вызовов режиму до тех пор, пока в стране не произошла смена лидеров и не начались новые попытки преобразований. Именно они спровоцировали появление новой волны общественных и политических движений, которые лишь в малой мере были связаны с диссидентами эпохи “долгих семидесятых”. Несмотря на то, что ряд значимых фигур, таких как Андрей Сахаров или Сергей Ковалев, и выступали в качестве символов демократического движе-

ния, они не были на переднем крае. Таким образом, позднесоветская репрессивная политика позволила авторитарному режиму отсрочить риски распространения протестов и обеспечила целому поколению советских лидеров относительно комфортное пребывание у власти, переложив копившиеся проблемы на плечи их преемников.

В то время как поздний Советский Союз в глазах нынешних лидеров страны представлял собой, скорее, идейный ориентир, практическим (пусть и не вполне осознанным) образцом для подражания выступал опыт постсоветской Беларуси. Репрессивная политика режима Лукашенко помогла ему удержать власть и минимизировать риски нелояльности со стороны элит и справиться с массовыми проявлениями недовольства²⁵. В отличие от России, где после распада СССР произошла фрагментация силовых структур, в Беларуси была сохранена организационная и кадровая преемственность аппарата подавления, а его ресурсное обеспечение после прихода к власти Лукашенко резко укрепилось. После разгрома очагов сопротивления в правящих группах режим провел “зачистку” элит: в конце 1990-х годов несколько статусных белорусских оппозиционеров бесследно исчезли, а при этом массовые злоупотребления в ходе избирательных кампаний не встречали значимого сопротивления в обществе²⁶. Немногочисленные общественные активисты подвергались атакам по нескольким направлениям: из Беларуси были выдвинуты поддерживавшие их зарубежные фонды и неправительственные организации, жесткий прессинг государства по отношению к бизнесу исключал несанкционированное финансирование оппозиции из внутренних источников; рестриктивное законодательство об НКО вынуждало ряд гражданских объединений к самоликвидации или закрытию; сходная участь постигла также и привечавший активистов Европейский гуманитарный университет (он вынужден был перебраться в Вильнюс). Против критиков режима применялся широкий круг мер, начиная от запрета на анонимный доступ к интернету и заканчивая угрозой увольнений с работы за политическую нелояльность (недавно анонсированное в Бела-

руси введение уголовной ответственности за тунеядство может служить логическим продолжением этой тактики). В результате такой политики властей пост-электоральные протесты в 2006 году оказались не слишком многочисленными, а в декабре 2010 года вылились в провокацию, когда неизвестные лица во главе шествия противников режима ворвались в здание Дома правительства. Это стало предлогом для массовых арестов, дальнейшего ужесточения репрессий и еще большей, нежели прежде, дискредитации оппозиции²⁷.

Режим Лукашенко не мог создать значимых позитивных стимулов к лояльности, но их дефицит отчасти компенсировался стимулами к “уходу” — в форме отъезда из страны. Граждане Беларуси, не согласные с политикой властей, равно как и амбициозные профессионалы, не удовлетворенные карьерными возможностями в собственной стране, нередко делали выбор в пользу жизни и работы в Европе или в России, тем самым снижая шансы противников режима внутри Беларуси на подрыв политического статус-кво. В силу этих причин белорусская оппозиция — шумная, но не пользовавшаяся влиянием среди сограждан — оказалась подвержена многочисленным раздорам и постепенно утрачивала шанс стать сколь-нибудь серьезной политической силой. Отсутствие значимых альтернатив укрепляло позиции режима Лукашенко, который успешно решал задачу сохранения власти. И, хотя российским лидерам, вероятно, не хотелось бы думать о своей стране как о “большой Беларуси”, опыт соседей оказался востребованным в Кремле, в особенности после волны протестов 2011–2012 годов²⁸. Не только конкретные меры во многом повторяли белорусский опыт (так, провокация в ходе акции оппозиции на Болотной площади в мае 2012 года, когда произошли столкновения протестующих с полицией, до мелочей дублировала события декабря 2010 года в Минске), но и последующая стратегия российской репрессивной политики во многом оказалась сходной. Публичная дискредитация и общественная изоляция противников режима, преследования и избирательные репрессии в отношении лидеров и ряда активистов, запугивание их потенциальных союзников и под-

талкивание независимых публичных фигур к молчанию или к отъезду из страны стали привычной практикой российского режима. Нельзя не признать, что эти шаги принесли им определенный, хотя и частичный успех.

Страх и ненависть в России: “порочный круг” репрессий?

Поворотным пунктом “политики страха” в России стало 6 мая 2012 года, когда в ходе протестной акции на Болотной площади в Москве произошли столкновения с полицией. Эти столкновения дали сигнал к усилению репрессивной политики государства сразу по нескольким направлениям²⁹. Непосредственным исходом стычек демонстрантов с полицейскими стали аресты и последующие судебные процессы против нескольких десятков протестующих. Не все из них были записными активистами — напротив, под наказание попали во многом случайные жертвы; тем самым власти продемонстрировали сторонникам оппозиции, что нежелательное политическое участие чревато для них большими рисками.

Масштаб протестных акций в Москве вскоре существенно снизился (хотя к тому времени они и без того шли на спад), а некоторые активисты покинули страну, опасаясь преследований. Но гораздо важнее оказалось другое — обвинения в нападении на полицейских и в организации массовых беспорядков способствовали легитимации “закручивания гаек”. Последующее принятие ряда репрессивных законов было направлено не только на ужесточение наказаний и на расширение и без того немалых полномочий правоохранительных органов. Оно имело целью расширить арсенал реальных и ожидаемых санкций за нарушение писанных и неписанных “правил игры”, а также возможностей для их произвольного применения в отношении максимально широкого круга лиц и организаций³⁰. Законодательные и политические шаги, принятые Кремлем в 2012–2013 годах, были призваны затруднить распространение нежелательной для властей информации, пресечь финансирование оппозиционной деятельно-

сти и как можно сильнее ограничить независимую от властей активность, не только политическую, но и гражданскую. Среди этих шагов стоит отметить следующие:

■ поправки к закону “О некоммерческих организациях” и другим актам, получившие известность как “закон об иностранных агентах”. Они предписывали некоммерческим организациям (НКО), получавшим финансирование из-за рубежа, регистрироваться в качестве “выполняющих функции иностранного агента” в случае осуществления ими “политической деятельности”. Преднамеренная размытость формулировок открывала возможности для произвольного применения этих норм по отношению практически к любым организованным формам гражданского и социального активизма. Вместе с тем, статус “иностранного агента” не только предполагал публичную дискредитацию НКО, но и ужесточал требования к их финансовой и юридической отчетности, резко увеличивая их издержки. Вслед за принятием закона прокремлевские медиа усилили кампанию против нелояльных НКО. Их деятельность подвергалась публичным нападкам и ранее, еще со времен “цветных революций” 2003–2005 годов, но отныне их представляли согражданам уже не как маргиналов, “шакалящих у посольств” в ожидании западных подачек, а как значимую угрозу, инструмент возможного свержения режима³¹;

■ новые нормы регулирования интернета, позволяющие государственным ведомствам во внесудебном порядке блокировать доступ к сайтам и социальным сетям за обнаруженные чиновниками нарушения (в частности, в марте 2014 года был заблокирован доступ к ряду сайтов, критиковавших аннексию Крыма, — таких как ej.ru и gran1.ru; хотя продвинутые пользователи нашли способ обойти блокировку, посещаемость сайтов резко упала — см. статью Андрея Солдатова в настоящем выпуске)³²;

■ поправки к Уголовному кодексу, восстанавливающие уголовную ответственность за клевету в СМИ (декриминализация, проведенная в период президентства Медведева, оказалась кратковременной) — хотя пока эта мера не применялась, она побуждает редак-

торов и журналистов к самоцензуре;

■ изменения правил, регулирующих перевод денежных средств, под предлогом борьбы с терроризмом; правила ограничивают как размер и количество анонимных пожертвований, так и размер пожертвований со стороны физических лиц;

■ ужесточение санкций за нарушения правил проведения митингов и иных публичных мероприятий;

■ расширение норм по борьбе с “экстремизмом” (введенных в действие в 2000-е годы): новые поправки ужесточают санкции за их нарушение, расширяют полномочия правоохранительных органов в данной сфере;

■ введение ответственности за “призывы к сепаратизму” и “оскорбление религиозных чувств”. Для описания “состава преступления” использованы размытые формулировки, а “культурные войны” используются как средства сплочения различных групп общества вокруг режима³³.

Подобная комбинация ужесточения регулирования и избирательного правоприменения лежит в основе систематической и последовательной “политики страха”, мишенями которой становятся все новые группы и индивиды. Если раньше режим объявлял своими противниками журналистов, блогеров и гражданских активистов — реальных и/или потенциальных оппозиционеров, то теперь их круг существенно расширился. В частности, кампания по выявлению “иностранных агентов” нанесла удар по ряду социально ориентированных НКО; так, в Краснодарском крае профессор Кубанского университета Михаил Савва, директор грантовых программ, сотрудничавший с местными властями, был обвинен в растрате государственных средств. Савва провел несколько месяцев в заключении и в конце концов был вынужден покинуть Россию³⁴. Еще больший резонанс получила история бывшего ректора Российской экономической школы Сергея Гуриева, отказавшегося вернуться в Россию из-за рисков уголовного преследования³⁵. В целом, Кремль не только не препятствовал, но и отчасти способствовал отъезду за рубеж своих оппонентов, не без оснований полагая, что таким образом нейтрализует угрозу, связанную с их

публичной активностью. Между тем, число политических заключенных в стране и по сей день остается относительно небольшим по меркам авторитарных режимов: составленный “Мемориалом” по состоянию на июнь 2015 года наиболее полный список включал не более полусотни имен³⁶. Даже в отношении наиболее известного лидера оппозиции Алексея Навального власти не стали прибегать к тюремному заключению, ограничившись условным наказанием.

Несмотря на значительные усилия Кремля, к началу 2014 года “политика страха” принесла лишь частичные эффекты: она подавляла симптомы кризисных явлений, проявившихся в ходе протестов 2011–2012 годов, но не могла преодолеть их причины. Нарастание спроса на политические перемены и усугубление проблем, связанных с сохранением статус-кво во внутренней политике, наглядно проявились на субнациональных выборах: в ряде городов (включая Екатеринбург и Новосибирск) официальные кандидаты Кремля проиграли популярным местным лидерам. Явным провалом “политики страха” стали и выборы мэра Москвы осенью 2013 года, на которых свыше 600 тысяч голосов было подано за кандидатуру Навального³⁷.

В этой связи разворот Кремля в сторону агрессивной внешней политики после аннексии Крыма и конфликта с Западом вокруг Украины стал “асимметричным ответом” на внутривнутриполитические вызовы. На фоне национально-патриотической мобилизации с целью сплочения общества вокруг фронтальной повестки дня (эффект “rallying around the flag”)³⁸ резко усилились атаки на противников режима, шельмуемых в качестве “пятой колонны” Запада. Трудно сказать, в какой мере в Кремле действительно считали, что смена режима в Украине и других странах является результатом подрывных действий Запада и его наймитов. Но этот аргумент на фоне пропагандистской кампании (невиданной по масштабу и интенсивности со сталинских времен) позволял властям почти не встречая значимого сопротивления легитимировать ужесточение репрессивной политики.

Кампания публичной дискредитации оп-

понентов Кремля сопровождалось дальнейшим ужесточением и более систематическим применением репрессивных норм. Расширение масштаба санкций было наиболее наглядным в политике по отношению к НКО. Принятая в 2014 году порция законодательных поправок позволяла органам юстиции самостоятельно, без решений суда, присваивать НКО статус “иностранный агент”: вскоре численность таких НКО резко возросла, и ряд из них оказались вынуждены свернуть свою деятельность в качестве юридических лиц (наибольший резонанс получило признание “иностранным агентом” фонда Дмитрия Зимина “Династия”, спонсора научной и просветительской деятельности). В 2015 году был принят новый закон о “нежелательных” иностранных неправительственных организациях (ведение реестра таковых было возложено на чиновников), запрещающий их деятельность на территории России и предусматривающий наказание за сотрудничество с ними — вплоть до уголовного — для российских физических и юридических лиц³⁹.

Другим направлением репрессивной политики Кремля стало более жесткое и систематическое персональное давление на лидеров и активистов тех или иных организаций и на заметные публичные фигуры. Навальный, приговоренный ранее к условному сроку по делу, которое выглядело очевидно сфабрикованным, был помещен под домашний арест. Его брат был приговорен по другому (столь же неубедительному) уголовному делу к трем с половиной годам лишения свободы, фактически оказавшись заложником в руках властей; условный срок самому Навальному был продлен. Ближайший соратник Навального и главный организатор его фандрейзинговой кампании Владимир Ашурков был обвинен в финансовых злоупотреблениях и вынужден покинуть страну. Помимо дискредитации в СМИ и использования правоохранительных органов в качестве инструментов подавления оппозиции следует отметить и случаи политического насилия в отношении противников режима. В частности, было совершено нападение на Льва Шлосберга, псковского регионального депутата от партии “Яблоко”, который предал публичной

огласке сведения о потерях российских войск в ходе боевых действий на юго-востоке Украины (позднее данные о потерях “в мирное время” были официально засекречены президентским указом)⁴⁰.

Еще одним элементом репрессивной политики стало появление ряда инициатив, поддержанных Кремлем и направленных на борьбу с врагами режима — таких как “Анти-Майдан”, чьи лидеры объявили о намерении активно противодействовать оппозиционной мобилизации (в отличие от прежних прокремлевских организаций, которые использовали главным образом пропагандистские инструменты). Депутаты, чиновники и лояльные режиму активисты стали выдвигать многочисленные репрессивные инициативы, которые иной раз могли показаться излишне радикальными, однако ни разу не встретили критики со стороны властей. Напротив, Кремль прямо или косвенно поощрял подобные предложения. В свете этих тенденций убийство Немцова (независимо от того, кто выступал исполнителями и заказчиками этого преступления) выглядело как доведение “политики страха” до логического завершения: как противникам Кремля, так и обществу в целом был подан явный и угрожающий сигнал.

В преддверии избирательных кампаний по формированию нового состава Думы (в 2016 году) и переизбранию президента страны в 2018-м можно ожидать, что репрессивная политика будет лишь усиливаться, охватывая все новые “мишени” и сферы деятельности. Другим фактором, способствующим ужесточению репрессивной политики, служит нарастающий дефицит ресурсов для кооптации потенциально нелояльных социальных сред и групп: утратив возможность щедро раздавать “пряники”, Кремль вынужден все чаще брать за “кнул”⁴¹. Это означает, что репрессивная политика в России, по всей вероятности, выйдет на новый уровень. При этом конкретные проявления “политики страха” и перспективы перехода к открытому политическому насилию определяются не только и не столько непосредственными угрозами для режима, сколько ожиданиями и оценками вероятности этих угроз на фоне нарастающих инфор-

мационных проблем. В условиях дефицита альтернативных источников информации (независимые СМИ, позиция общественности, мнения независимых экспертов и профессиональных сообществ) многие авторитарные режимы остаются один на один с собственными представлениями о стоящих перед ними проблемах и вызовах, и, опираясь на лояльных, но некомпетентных союзников⁴², увеличивают риски принятия неадекватных решений. Иначе говоря, у страхов, порожденных фобиями новых “майданов”, глаза автократов часто оказываются (неоправданно) велики, в то время как реальные угрозы могут недооцениваться и/или не восприниматься всерьез. Такое — ретроспективное — восприятие рисков и угроз типично для многих авторитар-

ных режимов (не только для российского)⁴³, и трудно ожидать, что данный подход Кремля в обозримом будущем претерпит изменения. Поэтому тезис Давенпорта о “порочном круге” репрессий, порождающих новые репрессии, имеет немало шансов на воплощение в жизнь в российском случае⁴⁴. Оценка опасностей, угрожающих режиму, и выбор репрессивной стратегии может оказаться рискованным предприятием для Кремля. Но политические последствия этого выбора, разумеется, еще более рискованны для будущего России в целом.

Работа выполнена в рамках проекта Choices of Russian Modernization при поддержке Академии наук Финляндии.

Примечания

- 1 См.: SVOLIK M., *The Politics of Authoritarian Rule*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
- 2 См.: GURIEV S., TREISMAN D., *How Modern Dictators Survive: Cooptation, Censorship, Propaganda, and Repression*. URL: <http://econ.sciences-po.fr/sites/default/files/file/guriev/GurievTreisman-Feb19.pdf> (доступ 21.06.2015); см. также: GURIEV S., TREISMAN D., *The New Authoritarianism* // VOX: CEPR's Policy Portal, 2015, 21 March. URL: <http://www.voxeu.org/article/new-authoritarianism> (доступ 21.06.2015).
- 3 См.: GANDHI J., LUST-OKAR E., *Elections under Authoritarianism* // Annual Review of Political Science, 2009, vol.12, P.403–422; Magaloni B., *The Game of Electoral Fraud and the Ousting of Authoritarian Rule* // American Journal of Political Science, 2010, vol.54, N3, P.751–765.
- 4 См.: GANDHI J., *Political Institutions under Dictatorship*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008; BUENO DE MESQUITA B., SMITH A., *The Dictator's Handbook: Why Bad Behavior is Almost Always Good Politics*, New York: Public Affairs, 2011.
- 5 См.: GERESHEWSKI J., *The Three Pillars of Stability: Legitimation, Repression, and Co-Optation in Authoritarian Regimes* // Democratization, 2013, vol.20, N1, P.13–38.
- 6 См.: LEVITSKY S., WAY L., *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010; Schedler A., *The Politics of Uncertainty: Sustaining and Subverting of Electoral Authoritarianism*. Oxford: Oxford University Press, 2013
- 7 См.: DAVENPORT C., *State Repression and Political Order* // Annual Review of Political Science, 2007, vol.10, N1–23; Earl J., *Political Repressions: Iron First, Velvet Gloves, and Diffuse Control* // Annual Review of Sociology, 2011, vol.37, P.261–284.
- 8 PRZEWORSKI A., *Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991, 58.
- 9 GURIEV, TREISMAN, *The New Authoritarianism*.
- 10 Специалисты отмечают и роль других структурных факторов в репрессивной политике авторитарных режимов, в частности, относительно высокий уровень социального-экономического неравенства. См.: SVOLIK M., *Op. cit.*
- 11 См.: DAVENPORT C., *Multi-Dimensional Threat Perception and State Repressions: An Inquiry into Why States Apply Negative Sanctions* // American Journal of Political Science, 1993, vol.38, N3, P.683–713.
- 12 См.: ГУРИЕВ С., ЦЫВИНСКИЙ О. *От репрессий к репрессиям* // Ведомости, 2012, 31 июля. URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2012/07/31/ot_repressij_k_repressiyam (доступ 30.05.2015).
- 13 См.: TREISMAN D., *Presidential Popularity in a Hybrid Regime: Russia under Yeltsin and Putin* // American Journal of Political Science, 2011, vol.55, N3, P.590–609; ROSE R., MISHLER W., MUNRO N., *Popular Support for an Undemocratic Regime: The Changing Views of Russians*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- 14 См.: ROBERTSON G., *Protesting Putinism: The Election Protests of 2011–2012 in a Broader Perspective* // Problems of Post-Communism, 2013, vol.60, N2, P.11–23; LANKINA T., *The Dynamics of Regional and National Contentious Politics in Russia: Evidence from a New Dataset* // Problems of Post-Communism, 2015, vol.62, N1, P.26–44.
- 15 См.: GEL'MAN V., *Cracks in the Wall: Challenges to Electoral Authoritarianism in Russia* // Problems of Post-Communism, 2013, vol.60, N2, P.3–10; GREENE S., *Moscow in Movement: Power and Opposition in Putin's Russia*. Stanford: Stanford University Press, 2014.
- 16 Подробнее об этом см.: GEL'MAN V., *Authoritarian Russia: Analyzing Post-Soviet Regime Changes*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015, chapters 5, 6.
- 17 См., в частности: GEL'MAN V., MARGANIYA O., TRAVIN D., *Re-examining Economic and Political Reforms in Russia, 1985–2000: Generations, Ideas, and Changes*. Lanham, MD: Lexington Books, 2014, chapter 6.
- 18 См. типологию реакций на кризисы: HIRSCHMAN A.O., *Exit, Voice, and Loyalty: Response to Decline in Firms, Organizations, and States*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1970.
- 19 См.: Козлов В., *Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 — начало 1980-х гг.)*, М.: РОССПЭН, 2009. URL: http://eland.ru/dirty/kozlov_massovyie_besporiadki_2010.pdf (доступ 21.06.2015).

- 20 О дилеммах советского руководства в связи с рисками протестов и ограничениями при покупке лояльности см.: GAIDAR Y., *Collapse of an Empire: Lessons for Modern Russia*. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2007, chapter 4 особенно P.90-91).
- 21 См.: SILITSKI V., *Contagion Deterred: Preemptive Authoritarianism in the Former Soviet Union (the Case of Belarus)* // Stanford University, Freeman Spogli Institute for International Studies, CDDRL Working Papers, 2006, N66. URL: http://cddrl.fsi.stanford.edu/sites/default/files/Silitski_No_66.pdf (доступ 21.06.2015).
- 22 См., в частности: PADDINGTON A., *Broadcasting Freedom: the Cold War Triumph of Radio Free Europe and Radio Liberty*. Lexington, KY: University Press of Kentucky, 2003; Утехин И. Время несвободы // Неприкосновенный запас, 2004, N2. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/35/ut15.html> (доступ 21.06.2015).
- 23 Подробный обзор см.: АЛЕКСЕЕВА Л., *История инакомыслия в СССР: новейший период*. М.: Московская Хельсинкская группа, 2012. URL: <http://www.mhg.ru/files/012/Histinak.pdf> (доступ 21.06.2015).
- 24 См.: ГЕЛЬМАН В., ТРАВИН Д., “Загогулины” российской модернизации: смена поколений и траектории реформ // Неприкосновенный запас, 2013, N4. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3841> (доступ 21.06.2015).
- 25 См.: SILITSKI, *Op. cit.*; Wilson A., *Belarus: The Last Dictatorship in Europe*. New Haven, CT: Yale University Press, 2011.
- 26 См.: Levitsky S., Way L., *Competitive Authoritarianism*, P.201-207.
- 27 См.: Potocki R., *Belarus: A Tale of Two Elections* // Journal of Democracy, 2011, vol.23, N3, P.49–63.
- 28 Как пример таких параллелей см.: ТРАВИН Д., *Белая лента + Русь = Беларусь* // Фонтанка.ру, 2012, 6 марта. URL: <http://www.fontanka.ru/2012/03/06/073/> (доступ 21.06.2015).
- 29 См.: Доклад Комиссии “Круглого стола 12 декабря” по Общественному расследованию событий 6 мая 2012 года на Болотной площади, 2013, 22 апреля. URL: <http://rt12dec.ru/bolotnoe-delo/doklad-komissii-kruglogo-stola-12-dekabrya-po-obshhestvennomu-rassledovaniyu-sobytij-6-maya-2012-goda-na-bolotnoj-ploshhadi-22-04-2013/> (доступ 21.06.2015).
- 30 В частности, см. обзор: Taylor B., *Putin’s Crackdown: Sources, Instruments, and Challenges* // PONARS Policy Memos, 2013, N277. URL: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Pepm_277_Taylor_Sept2013.pdf (доступ 21.06.2015).
- 31 См.: KRAMER M. *The Clampdown of Internet Activities in Russia and the Implications for Western Policy* // PONARS Policy Memos, 2014, N350. URL: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Pepm350_Kramer_Sept2014.pdf (доступ 21.06.2015).
- 32 Подробнее см.: Dauce F., *The Duality of Coercion in Russia: Cracking Down on “Foreign Agents”* // Demokratizatsiya: the Journal of Post-Soviet Democratization, 2015, vol.23, N1, P.55–75; Flikke G. Resurgent Authoritarianism: The Case of Russia’s New NGO Legislation // Post-Soviet Affairs, forthcoming. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1060586X.2015.1034981> (доступ 21.06.2015).
- 33 См.: SMYTH R., SOBOLEVA I. *Looking Beyond the Economy: Pussy Riot and the Kremlin’s Voting Coalition* // Post-Soviet Affairs, 2014, vol.30, N4, P.257–275; ROBINSON N., *The Political Origins of Russia’s “Culture Wars”*. University of Limerick, Department of Politics and Public Administration, 2014.
- 34 См. МАСЮК Е., Михаил Савва: “Мне угрожали — 15 лет по статье УК “государственная измена”... // Новая газета, 2015, 18 марта. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/67632.html> (доступ 5.07.2015).
- 35 См.: ГОЛИЦЫНА Н., Сергей Гурьев: “Париж лучше тюрьмы в Москве” // Радио Свобода, 2014, 3 февраля. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/25249729.html> (доступ 21.06.2015).
- 36 См.: В России растет количество политзаключенных — центр “Мемориал” // Крым. Реалии, 2015, 4 июня. URL: <http://ru.krymr.com/content/news/27053923.html> (доступ 21.06.2015).
- 37 См.: GEL’MAN V., *Political Opposition in Russia: A Troubled Transformation* // Europe-Asia Studies, 2015, vol.67, N2, P.177–191.
- 38 См.: GREENE S., ROBERTSON G., *Explaining Putin’s Popularity: Rallying around the Russian Flag* // Washington Post, Monkey Cage, 2014, 9 September. URL: <http://www.washingtonpost.com/blogs/monkey-cage/wp/2014/09/09/explaining-putins-popularity-rallying-round-the-russian-flag/> (доступ 21.06.2015).
- 39 Официальный текст см.: Федеральный закон от 23.05.2015 N129-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201505230001?index=2&rangeSize=1> (доступ 5.07.2015).
- 40 Официальный текст см.: Указ Президента Российской Федерации от 28.05.2015 N273 “О внесении изменений в перечень сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. N1203”. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201505280001?index=0&rangeSize=1> (доступ 5.07.2015).
- 41 См.: GURIEV, TREISMAN, *The New Authoritarianism*.
- 42 См.: ЕГОРОВ Г., СОНИН К. Диктаторы и визири: экономическая теория лояльности и компетентности // Общественные науки и современность, 2008, N2, С.36-51. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2010/11/12/1214795173/Egorov.pdf> (доступ 5.07.2015).
- 43 См: SVOLIK M., *Op. cit.*; SCHEDLER A., *Op. cit.* Об эффектах восприятия угроз в ходе падения коммунистических режимов см.: KURAN T., *Now Out of Never: The Element of Surprise in the East European Revolutions of 1989* // World Politics, 1991, vol.44, N1, P.7–48.
- 44 См.: DAVENPORT C., *Multi-Dimensional Threat Perception and State Repressions*.